

18+

Артём Порфирьев

Дымная комната.

Дыня и бергамот.

<https://litres.ru/74018449>

SelfPub; 2026

Аннотация

В кальянной «Анамнез» полутемно не ради романтики — так легче услышать то, что люди обычно прячут сами. Её владелец Артемий Проводников, бывший судебный психиатр, привык замечать не слова, а то, что происходит вокруг них: паузы, взгляд после выдоха, выбор места.

В конце ноября появляется женщина по имени Эмма. Она не садится спиной к двери, смотрит на вход через зеркало и снова и снова заказывает один и тот же вкус — дыня и бергамот. В её точности нет желания понравиться. Есть дисциплина. И ожидание, которое не объясняют вслух.

С каждым четвергом воздух в «Анамнезе» становится плотнее: от дыма, от недосказанности, от чужого контроля — и от памяти, которая вдруг начинает возвращаться слишком телесно, слишком вовремя. Когда в эту историю входит вещь, выглядящая безобидно, но требующая тишины, Артемий понимает: иногда молчание — не убежище. Иногда это ставка.

Первая часть трилогии.

Содержание

Дымная комната. Дыня и бергамот	4
Глава 1 Женщина, которая не садится спиной к двери	4
Глава 2 Анамнез	15
Глава 3 Дымные ассоциации	24
Глава 4 Несчастный случай	32
Глава 5 Пустой кальян	39
Глава 6 Запах сырой ткани	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Артём Порфирьев

Дымная комната.

Дыня и бергамот.

Дымная комната. Дыня и бергамот

Глава 1 Женщина, которая не садится спиной к двери

В конце ноября город темнел рано, и к семи вечера окна «Анамнеза» уже отражали не улицу, а собственный зал.

Здесь всегда было полутемно — не ради романтики. Ради точности. Яркий свет делает людей смелее, но смелость под лампами чаще бывает показной: человек быстрее надевает привычное лицо и начинает говорить так, как принято. В полутени всё держится хуже. И тогда вылезают вещи, которые обычно прячутся сами: лишний вдох перед простым словом, микропауза, движение пальцев, которое выдаёт больше, чем фраза.

Тёплые пятна света лежали на столах, как метки. Между ними стояли тени — плотные, рабочие. В стеклянных кол-

бах дрожала вода: от шагов, от музыки, от чьего-то нервного постукивания по дереву. Угли потрескивали коротко, сухо. Воздух был густым — сладковатым от табака и дорогих духов, чуть металлическим от жара, с влажной нотой стекла.

В таком воздухе люди говорили тише.

И врали аккуратнее.

Артемий Проводников любил этот час. После девяти «Анамнез» переставал быть заведением в привычном смысле и становился местом, где можно сказать фразу на выдохе — и сделать вид, что она ничего не значит.

Он стоял за баром и смотрел на зал. Большинство гостей думали, что хозяин следит за порядком. Артемия почти не интересовало очевидное.

Кто держит дым слишком долго — значит, не отпускает.

Кто выпускает сразу — будто боится оставить что-то в себе.

Кто выбирает место лицом к входу — не из удобства.

За дальним столом двое мужчин обсуждали деньги. Один тянул редко — и это «редко» было злостью. Второй, наоборот, делал мелкие частые затяжки, будто занимал рот, чтобы не сказать лишнего. У окна молодая пара курила одну чашу на двоих: девушка держала мундштук так, словно боялась оставить след — не помады, а присутствия. Мужчина выпускал дым в сторону и почти не смотрел на неё; это «не смот-

рел» читалось громче, чем их слова.

Архитектор с бессонницей уже второй раз за вечер просил лёд. Лёд не помогал, но ритуал давал иллюзию управляемости.

Люди выдавали себя прежде речи. Выбор вкуса, пауза перед первой затяжкой, направление взгляда после выдоха.

Всё было привычно.

Почти.

Столик у зеркальной стены пустовал.

Это случалось редко: место было удобным для тех, кто не хочет быть на виду. Зеркало занимало почти всю стену — старое, слегка затемнённое, оно искажало пространство ровно настолько, чтобы отражение казалось глубже оригинала. Люди смотрели в него иначе, чем в глаза собеседника. В отражении они искали не себя.

Скорее — выход.

Дверь открылась, и в зал скользнул холод — мокрый, уличный, ноябрьский. Шум на секунду дрогнул. Кто-то машинально обернулся.

И вместе с этим холодом вошла женщина.

Артемий заметил её сразу — не из-за красоты и не из-за одежды. В «Анамнезе» хватало и того и другого. Насторожило другое: она вошла так, будто уже знала помещение.

Ей было около тридцати восьми — возраст, когда красота перестаёт быть обещанием и становится способом держать дистанцию. Светлые волосы убраны низко и аккуратно,

без модной небрежности. Лицо узкое, спокойное; неподвижность легко было бы принять за высокомерие, если не видеть, сколько сил стоит держать её. Тёмный костюм — слишком простой для демонстрации денег и слишком дорогой, чтобы быть случайным. Тонкие запястья, закрытые перчатками. Почти бесцветная помада.

Она не искала компанию и не выбирала «как бы выглядеть уместно». Она проверяла линии: где отражение, откуда читается вход, где проходы, где запасной выход — тот, который большинство гостей не замечали.

Секунды у двери хватило.

Потом она пошла прямо к зеркальной стене — к тому самому столику, откуда лучше всего видно отражение входа.

Артемий выпрямился — без суеты. Тело иногда реагирует раньше мысли.

Женщина сняла перчатки медленно, без показной плавности: просто так, как снимают то, что защищает кожу от чужих поверхностей. Положила рядом с клатчем. Села неглубоко, оставив себе свободу подняться в любой момент. Сумку не поставила на пол. На спинку не откинулась.

Не устроилась.

Заняла позицию.

Официант подошёл, принял заказ и через минуту вернулся к бару.

— Для новой гостьи. Дыня и бергамот. Крепкая чаша. И попросила, чтобы тянулось полегче.

Артемий посмотрел на неё ещё раз. Она сидела слишком спокойно для первого визита. В новом месте люди обычно делают лишние движения — трогают меню, поправляют волосы, проверяют телефон. Эта — нет. Как будто всё уже решено заранее.

— Я сам, — сказал Артемий.

Официант кивнул и отошёл. Семён, проходя мимо, бросил на Артемия короткий взгляд — тот самый, которым проверяют: «ты уверен?» — и не сказал ни слова.

Артемий взял колбу, проверил воду, долил так, чтобы бульканье было мягким. Достал табак.

Дыня и бергамот.

Слишком вежливо для позднего часа. И слишком странно в сочетании с крепкой чашей и лёгкой тягой: давление, которое не выглядит усилием.

Он уложил табак, прикрыл, поставил угли. Запах бергамота поднялся чистой терпкой нотой, дыня легла сверху тёплой сладостью — как обещание, которое держится до первого надреза.

Когда кальян был готов, Артемий сам отнёс его к столику. Женщина подняла глаза.

Светлые, спокойные, собранные — без просьбы, без кокетства.

— Ваш заказ, — сказал он.

— Благодарю.

Голос ровный, почти бесцветный. Таким не просят — со-

общают.

Артемий поставил кальян и остался на секунду дольше обычного.

— Вы здесь впервые, — сказал он.

— Да.

— Обычно новые гости берут что-то проще.

— Я не люблю простое.

— Это заметно.

Она смотрела на него не оценивающе, а проверяюще — как смотрят на замок: не красивый ли, а надёжный.

— Вы владелец? — спросила она.

— Иногда.

— А в остальное время?

— Слушаю.

Она не уточнила, что именно он имеет в виду. Только отметила — как отмечают функцию.

— Здесь принято разговаривать? — спросила она.

— Если человеку есть что сказать.

— А если нечего?

— Тогда дым справится сам.

Она кивнула, будто услышала ровно то, за чем пришла.

Артемий протянул мундштук.

Она взяла двумя пальцами — без суеты. Первая затяжка была ровной, дозированной. Она задержала дым чуть дольше нормы, но не настолько, чтобы это выглядело демонстрацией. Не кашлянула. Не посмотрела на чашу. Её интересно-

вал не вкус как удовольствие, а дым как среда.

И выдохнула не вверх и не в сторону.

В зеркало.

Артемий заметил это сразу. В отражении дым лёг тонкой «шторкой» между ней и входом — закрыл обзор на мгновение и тут же распался. Она следила не за узором. За временем.

— Хороший микс, — сказала она.

— Вы его уже знали?

— Да.

— Часто заказываете?

Она слегка наклонила голову — движение точное, маленькое.

— Достаточно.

— Значит, любите постоянство?

— Нет. Я люблю узнавать, что не меняется.

Артемий запомнил не фразу — интонацию. Это звучало как правило.

Он посмотрел на её руки. Они лежали спокойно, без мелкой самоуспокаивающей суеты. Такой контроль не бывает бесплатным.

— Если что-то понадобится, — сказал он, — меня зовут Артемий.

— Эмма.

Имя прозвучало коротко, как подпись.

Он уже собирался отойти, когда она добавила:

— У вас здесь тихо.

— Это недостаток?

— Нет. В тишине люди говорят точнее.

— Большинство предпочитает обратное.

— Большинство боится услышать то, что уже знает.

Она сказала это так, будто фраза давно лежала готовой и ждала подходящего места.

Артемий ничего не ответил.

Эмма снова затянулась и опять посмотрела в зеркало.

И тогда он понял, что тревожило его с самого начала: она не просто держит вход в поле зрения.

Она ждёт.

Не официанта, не настроения, не случайности, на которую можно списать взгляд на дверь. Ждёт чего-то конкретного — или подтверждения, что этого не будет. И ожидание в ней выглядело не нервным. Скорее — рабочим.

Артемий вернулся к бару, но зал уже ощущался иначе: у него появился свой центр тяжести.

— Кто она? — шёпотом спросил официант.

— Пока никто.

— Но?..

Артемий не сразу ответил.

— Но некоторые приходят сюда не отдыхать, — сказал он.

Он посмотрел на Эмму.

Теперь она смотрела уже не на отражение двери. В дым — будто в нём могло появиться что-то, чего нет в комнате.

Время шло. Зал редел. Мужчины у дальнего стола ушли, так и не договорившись. Архитектор с бессонницей расплатился и, как всегда, кивнул так, будто благодарил за возможность не быть дома. Молодая пара у окна вышла порознь.

Эмма осталась.

Вторую чашу не просила. Не отвлекалась телефоном. Не проверяла часы. Сидела так, словно вечер ещё не начался по-настоящему.

Когда Артемий уже решил подойти, она поднялась сама — плавно, без внутренней борьбы, которую видно у людей, не готовых уходить.

Надела перчатки. Взяла клатч. Подошла к бару.

— Спасибо, — сказала она.

— Вам понравилось?

— Да.

Пауза была короткой — не «думаю», а «решаю, стоит ли добавлять».

— Я приду в четверг.

Артемий отметил дату внутри себя так же неприятно, как отмечают новую трещину в привычном порядке.

— В четверг?

— Если у вас нет строгих правил для постоянных гостей.

— Это зависит от гостя.

Она слегка склонила голову.

— Тогда будем считать, что это проверяемая гипотеза.

Эмма протянула карту.

И именно в этот момент Артемий почувствовал запах.

Очень слабый. Почти исчезающий — не духи, а что-то под ними: сырость. Как влажная ткань, побывавшая в закрытом месте.

Этого хватило, чтобы тело отреагировало раньше мысли. Горло пересохло. Воздух вокруг будто сузился — как если бы рядом появилась закрытая дверь.

Он моргнул — и реальность на долю секунды отступила. Тёмный коридор.

Влажный воздух.

Закрыто.

Не картинка — правило тела: дышать тише, не двигаться, не быть услышанным.

Артемий моргнул ещё раз, и всё исчезло. Перед ним снова стояла Эмма — спокойная, безупречно собранная.

— Всё в порядке? — спросила она.

Он взял терминал.

— Да.

Это было не так.

Она оплатила, забрала карту, пошла к выходу. У самой двери остановилась на секунду. Не обернулась — но в зеркале Артемий увидел её лицо.

И на этом лице было выражение человека, который в чём-то убедился.

Дверь закрылась, холод исчез, зал вернул обычный шум.
— Красивая, — сказал официант.

Артемий не ответил.

Он подошёл к её столику. На стекле остался тонкий след от бокала с водой и крошка табака. Никаких забытых мелочей, никаких случайных ошибок присутствия.

Но что-то осталось.

Не на столе.

В нём.

Артемий смотрел на пустое кресло и понимал: произошло неприятное не потому, что пришла странная женщина. Странные приходили постоянно.

Неприятно было другое: её запах его тело узнало раньше него.

И если это не случайность — значит, вечер действительно только начался.

И хуже всего было то, что какая-то часть его уже ждала четверга.

Не её.

Ответа.

Глава 2 Анамнез

Утром Артемий проснулся раньше будильника — редкость. Сон обычно держал его крепко, как последнюю нейтральную территорию. Ещё реже он просыпался не от тревоги и не от того знакомого толчка изнутри, а от чистого, раздражающего любопытства.

Он лежал в темноте и смотрел в потолок. С улицы тянулась тонкая полоска света — фонарь, край шкафа, и сразу провал. За окном город только собирался: далёкая машина, хлопок двери во дворе, скрип контейнера, ветер в вентиляции.

Всё было обычным.

Кроме одной детали: он думал об Эмме.

Не о внешности — её слишком легко принять за ответ. И не о голосе — голос можно поставить. Он думал о том, как она смотрела на вход через зеркало. Не на зал. Не на него. На вход — так, будто прямой взгляд делает тебя уязвимым.

Такие привычки не цепляются случайно. Они либо живут в человеке давно, либо привносятся как инструмент. И раздражало не это даже.

Раздражало то, что после одного вечера она уже заняла место в его внимании не как «интересная гостья», а как сбой.

Он сел, провёл ладонью по лицу и понял: выспаться не получилось. Ночь была рваной — короткие провалы, возвра-

щения в поверхностный сон. Несколько раз он просыпался с ощущением, будто во сне пытался открыть дверь, которую нельзя открывать изнутри. Кто запирал и зачем — не вспомнил.

Он встал.

Квартира встретила его привычной сухой тишиной. Здесь не было случайности: ни вещей «на потом», ни брошенной одежды, ни чашки не там. Всё выглядело так, будто хозяин живёт в помещении временно — аккуратно, по договору.

Эту привычку он давно объяснил себе просто: лишние предметы иногда возвращают лишнее. А он не любил, когда память приходит без предупреждения.

На кухне он включил чайник и открыл окно.

Холодный влажный воздух ворвался быстро — конец ноября не спрашивает разрешения. И вместе с ним, на одну секунду, вернулся запах.

Сырость. Едва уловимая. Не «мокрый подвал», а тонкая влажная нота, как у закрытой лестничной клетки после дождя.

Этого хватило.

Внутри вспыхнуло:

Пол.

Коридор.

Пятно света из-под двери.

Не сцена — куски среды. Тяжёлая тишина после крика, когда воздух ещё помнит звук, а люди уже делают вид, что ничего не было.

Артемий резко закрыл окно. Створка ударила о раму слишком громко — и он сразу понял, насколько это неуместно в его пустой кухне. Он постоял, держась пальцами за подоконник, пока тело отпусало.

Отпустило быстро, как всегда. Оставило только след — будто отпечаток после давления.

Это злило больше самой вспышки. Если прошлое возвращается — пусть возвращается целиком. Но память торгуется: даёт дозу и уходит, выбирая момент, когда тебе неудобнее всего.

Чайник щёлкнул. Артемий налил воду, но чай не заварил. Он часто останавливался на середине действий — включил, налил, поставил. Незавершённость давала ощущение, что последствия ещё можно отменить.

На полке стояла фотография в узкой чёрной рамке.

Лицом вниз.

Он не убирал её совсем — это было бы слишком честно. И не переворачивал просто так — это было бы слишком явно.

Телефон коротко вибрировал: поставщик прислал список новых вкусов. Артемий пролистал, зацепился взглядом за одно слово.

Бергамот.

Он отложил телефон так, будто слово могло оставить за-

пах на пальцах.

Это, конечно, глупо. Привязывать человека к вкусу после первой встречи — почти любительщина. Люди берут одно и то же просто потому, что не хотят выбирать.

Но вчера у Эммы был не «вкус». У неё была формула. крепко — и при этом легко. Давление без видимого усилия.

Он поймал себя на том, что снова складывает её из деталей: стол, угол корпуса, взгляд в зеркало, руки на мундштуке. Слишком рано. Слишком охотно.

Интерес, который обгоняет факты, всегда мстит: сначала ты придумываешь версию, потом подгоняешь под неё наблюдения.

К полудню он уже был в «Анамнезе».

Днём заведение выглядело иначе — почти разобранным. Без дыма и гостей исчезала ночная плотность, оставались дерево, стекло, кресла, зеркала. То, что вечером помогает прятаться, днём выглядело конструкцией.

Артемий любил эти часы: они возвращали простую мысль — место не живёт, пока в него не входят люди.

Он прошёл по залу: поправил кресло у окна на пару сантиметров, проверил лампу в дальнем углу, остановился у зеркальной стены.

Потом подошёл к тому самому столику.

Пусто, конечно.

И всё же он помнил, под каким углом лежали её перчатки. Где стоял бокал. Куда был направлен мундштук. Даже

короткую паузу между звуком двери и тем, как её взгляд уже оказался в зеркале.

Он сел на её место.

Отсюда дверь читалась идеально — не прямо, а через отражение. Входящий попадал в обзор раньше, чем понимал, что его уже видят. Это давало секунду. Иногда одной хватает.

Артемий посмотрел на бар — и вдруг увидел себя иначе: мягче, безопаснее, как будто свет сглаживал резкость лица.

Значит, она выбирала место не только ради входа. Ещё и ради того, как выглядит человек напротив.

Он поднялся — с раздражением к собственному мозгу: снова версии, снова выводы.

У полки с табаком он машинально провёл рукой по банкам — как будто это успокаивает. Запахи для него давно стали маркерами людей, но сегодня он не хотел этой игры. Хотел — и не хотел одновременно.

Бергамот всё равно всплыл первым.

— Плохое утро? — спросил Семён.

Артемий обернулся. Семён стоял в дверях с папкой поставок под мышкой — сухой, быстрый, всегда в полшага напряжения.

— Обычное.

— Обычное у вас — это когда плохо, — сказал Семён. И сразу добавил, проще: — Она?

Артемий не ответил.

Семён подошёл, кинул папку на стойку.

— Вы сами ей кальян делали, — сказал он. — Значит, или старая знакомая, или... не нравится.

— Ты наблюдательный, — сухо ответил Артемий.

— Я тут третий год. Наблюдать дешевле, чем ошибаться.

— Думаешь, вернётся?

— Если сказала — вернётся. Такие не разговаривают для красоты.

— Какие — такие?

Семён пожал плечами.

— Которые входят, как будто у них в голове схема. И вы выходите из неё невыгодно.

Артемий промолчал. Формулировка была слишком точной, чтобы не раздражать.

Он открыл терминальный отчёт по вчерашним оплатам — просто из привычки держать цифры под контролем. Пролистал и замер на одной строке.

Имя владельца карты не читалось полностью. Только начало:

Е. Север...

Мало. Почти ничего.

Но у неё появилась не только манера и запах. У неё появилась буква — зацепка.

— Всё нормально? — спросил Семён.

— Да.

— Вы уже второй раз сегодня так говорите, — сказал Се-

мён и, не дожидаясь ответа, кивнул на дальний зал: — Лампы закажу? Там реально плоско.

— Закажи.

Семён ушёл. Артемий остался один за баром и снова посмотрел на отчёт.

Е. Север...

Он где-то видел эту фамилию. Не среди гостей. Не в поставках. Не в старых привычных списках. В другом месте.

Мысль мелькнула и исчезла, как отражение в стекле, если моргнуть.

К вечеру «Анамнез» снова наполнился людьми. Воздух стал плотнее, ожили запахи, вода в колбах дрожала от каждого движения стола. Артемий работал как обычно — коротко отвечал, менял угли, следил за тягой, держал зал ровным.

Но внутри шло другое.

Он ждал четверга.

И ему это не нравилось.

Около полуночи он закрылся в маленьком кабинете за баром. Там пахло деревом, картоном и слабым электричеством. Старый ноутбук загудел. В поисковой строке мигал курсор — маленький прямоугольник, почти наглый.

Один обрезок фамилии. Одна женщина у зеркала. Один вкус.

Этого мало.

Но он набрал:

Северова муж банкир несчастный случай

Результаты выдались сразу. Первая фотография — Эмма. Тот же взгляд. Тот же спокойный рот. Рядом — мужчина лет пятидесяти, тяжёлый, уверенный, из тех, кому уступают место до просьбы.

Заголовок был коротким:

Банкир Константин Северов погиб в загородном доме. Следствие рассматривает версию несчастного случая.

Артемий открыл материал.

Почти пусто. Несколько строк. «Подробности не разглашаются». «В интересах семьи». «Идёт проверка».

Он открыл второй источник — то же самое. Третий — те же формулировки, будто их вымыли до безопасного каркаса. Так пишут о влиятельных мёртвых: не врут открыто — просто убирают всё живое.

В одном материале была фотография дома.

Артемий остановился.

На заднем плане — фрагмент крытого бассейна: стеклянная стена, влажная плитка и тёмная вода, ровная, без бликов, будто свет выключили специально.

Он откинулся на спинку кресла.

Это ничего не доказывало. Вообще.

И всё же внешняя история впервые совпала с внутренним ощущением слишком плотно, чтобы снова назвать Эмму случайной гостьей.

И в этот момент Артемий понял: проблема уже не в том,

кто она.

Проблема в том, что рядом с ней его собственное прошлое отвечает быстрее, чем он успевает задать вопрос.

Глава 3 Дымные ассоциации

В четверг дверь открылась ровно в десять.

Артемий понял это не по часам — по тому, как зал на секунду меняет температуру: в тёплый дымный слой входит ноябрьский холод, мокрый, уличный. Кто-то привычно оборачивается, и сразу забывает, на что смотрел.

Эмма вошла без спешки и без паузы “на растеряться”. Быстрый взгляд — не по людям, а по линиям: бар, проходы, зеркало, отражение входа. И сразу к тому же месту у стены.

Она села неглубоко, будто кресло — не для отдыха. Перчатки положила рядом с клатчем так, чтобы их можно было взять одним движением. Телефон не достала.

Официант подошёл к ней, вернулся через минуту.

— Как обычно, — сказал он. — Дыня и бергамот. Крепко. Лёгкая тяга.

Артемий кивнул.

— Я сам.

Он собрал чашу быстро. Бергамот поднялся сухой, чистой нотой; дыня легла поверх — тёплой сладостью, будто обещанием. Крепко — но тянется легко: давление без видимого усилия.

Когда он поставил кальян на стол, Эмма подняла глаза — не как на хозяина, а как на человека, с которым уже есть порядок действий.

— Вы пунктуальны, — сказал Артемий.

— Это упрёк?

— Наблюдение.

Эмма взяла мундштук.

— Тогда да, — сказала она. — Я не люблю опаздывать туда, где меня ждут.

Артемий отметил формулировку и не стал улыбаться.

— Вы уверены, что вас ждали?

— Разве нет?

Первая затяжка была глубже, чем в прошлый раз. Дым лёг тонкой плёнкой на зеркало, и отражение входа на мгновение стало мягче.

— Микс тот же, — сказал Артемий.

— Я помню.

— Люди редко повторяют дважды подряд.

— Люди редко понимают, что им подходит.

Она говорила спокойно, без попытки понравиться. Как будто фиксировала.

— Вы не любите сюрпризы? — спросил он.

— Не люблю.

Сказано было слишком ровно — не признанием, а правилом.

Эмма посмотрела на него и добавила почти буднично:

— Вы снова подали сами. Значит, ждали.

— Или проверяю, не изменились ли ваши привычки.

— И как?

— Пока нет.

На секунду угол её губ дрогнул — не улыбка, скорее отметка “принято”.

Артемий сел напротив. В зале спорили у окна о процентах, где-то смеялись слишком громко, Семён прошёл между столами, меняя угли. Здесь, у зеркала, воздух ощущался плотнее не из-за дыма — из-за того, что слова ложились как инструменты.

— Что вы чувствуете в этом вкусе? — спросил Артемий.

Эмма чуть наклонила голову.

— Вы всегда заставляете вкус говорить?

— Иногда да.

Она провела большим пальцем по мундштуку — ровно, как будто забрала себе секунду.

— Хорошо. Дыня — это тепло. Почти безопасное. Бергамот — напоминание, что тепло ничего не гарантирует.

Ответ был слишком готовым.

— Вы заранее знаете, что хотите оставить после себя, — сказал Артемий.

— Это плохо?

— Это редко бывает случайно.

Эмма посмотрела внимательнее.

— Вы были врачом.

Не вопрос — констатация.

— Почему вы так решили?

— Потому что вы слушаете не как владелец, — сказала

она. — Вы ловите оговорку.

Он не ответил. Её точность раздражала и цепляла одновременно.

— У вас был опыт, — сказал Артемий.

— У всех есть.

— Не у всех такой.

Она не стала спорить. Только снова затянулась — спокойно, ровно.

— У меня есть привычка, — сказал Артемий. — Иногда я прошу описать образ в дыму. Не “смысл”, а первое, что приходит.

Эмма посмотрела на струю, потом — в зеркало.

— Давайте, — сказала она слишком быстро.

— Не ищите специально.

Она затянулась. Выдохнула. Помолчала.

Артемий наблюдал не дым — её дыхание и глаза.

— Вода, — сказала Эмма.

— Какая?

— Тёмная.

— Спокойная?

— Нет.

Голос стал ниже. Тише.

— Она неподвижная. Но в ней кто-то тонет.

Артемий не перебивал.

— Кто?

— Не знаю.

Пауза.

— Я вижу руки.

Внутри у него сжалось так резко, что он машинально проверил дыхание.

— Мужские? Женские?

Эмма впервые за вечер нахмурилась — едва.

— Неважно.

— Обычно важно.

— Они просто уходят вниз, — сказала она. — И не зовут. Как будто уже знают, что никто не придёт.

Это звучало не как метафора. Как будто она описывает не картинку, а знание тела.

— Что ещё? — спросил Артемий.

Она молчала дольше.

— Дверь.

Слово ударило слишком глубоко.

— Какая?

— Закрытая.

— Кто за ней?

Эмма посмотрела прямо на него — уже не в дым.

— Вы слишком быстро верите в образы, Артемий.

В голосе появился холодный край: дальше она не даст вести.

— А вы слишком быстро начинаете защищаться, — ответил он.

Эмма сделала затяжку — чуть глубже, чем нужно. Когда

выдохнула, ритм дыхания на секунду сбился. Мелочь. Но Артемий увидел: первая трещина.

— Я не боюсь вопросов, — сказала она.

— Нет?

— Я не люблю плохие интерпретации.

— И уже решили, к какой категории отношусь я?

Она аккуратно положила мундштук на блюдо.

— Пока нет.

— Тогда зачем вы здесь?

Пауза была короткой, но живой — наконец не отработанная.

— Посмотреть, заметите ли, — сказала Эмма. — Вот и всё.

— Что именно?

Эмма не ответила. Впервые она наклонилась вперёд — не для позиции, а почти лично.

— Продолжим? — спросил Артемий, пытаясь вернуть разговор в рельсы.

— С чем?

— С ассоциациями.

— А если я снова скажу “вода”?

— Тогда я спрошу, почему вы не видите берег.

Эмма задержала взгляд на нём и сказала тихо:

— Потому что его нет.

И в этот момент память ударила.

Не картинкой — звуком.

Глухой удар.

Женский вдох, оборванный на середине.

И пустота после.

Артемий замер всего на секунду — но Эмма заметила.

— Что? — спросила она негромко.

Он взял себя в руки.

— Ничего.

— Это не ответ.

— Это граница.

Эмма впервые за весь вечер откинулась на спинку кресла — как будто закрыла разговор, чтобы он не открылся в другую сторону.

— На сегодня достаточно, — сказала она.

— Вы уходите?

— Да.

— Почему?

Она надела перчатки.

— Потому что вы больше не слушаете меня.

— А кого?

Эмма посмотрела так, будто ставит диагноз без белого халата.

— Того, кто говорит с вами изнутри.

Она положила деньги на стол, не попросила счёт и пошла к выходу. У двери остановилась на секунду — не оборачи-

ваясь. В зеркале Артемий успел увидеть её лицо: спокойное, как у человека, который подтвердил гипотезу.

Дверь закрылась. Зал продолжил жить своей обычной жизнью. Но у зеркальной стены осталось что-то плотное, не развеивающееся вместе с дымом.

Артемий подошёл к её столу. На стекле лежал терминальный чек — свёрнутый вдвое. Она могла забрать, но оставила.

Он развернул.

Сумма. Время. И имя.

Эмма Северова.

Фамилия превращала дым в факт.

Артемий сжал чек в пальцах и понял: проблема уже не в том, лжёт она или нет.

Проблема в том, что чем больше она говорит, тем быстрее его собственное прошлое начинает отвечать.

Глава 4 Несчастный случай

Чек из терминала лежал на столе дольше, чем должен был. Тонкая тепловая бумага быстро выцветает — как будто сама знает: её работа не хранить, а подтвердить.

Артемий держал чек двумя пальцами и смотрел не на сумму.

На имя.

Эмма Северова.

Фамилия не казалась редкой, но узнавание пришло мгновенно — не мыслью, щелчком. Он уже видел её.

Не в списках гостей и не в поставках.

В новостях.

От этого стало неприятно физически — как будто он наступил в темноте во что-то липкое и теперь не может сделать вид, что не заметил.

В «Анамнезе» почти никого не осталось. В воздухе ещё держались запахи и чужая вечерняя плотность, но шум ушёл, и тишина стала рабочей — сухой, аккуратной. Артемий стоял у зеркальной стены, видел в отражении входную дверь и всё равно смотрел на чек, как на маленькое разрешение делать то, чего он не хотел.

Он заставил себя уйти в кабинет, закрыл дверь и включил ноутбук. Экран загорелся слишком ярко для ночи. Несколько секунд он просто смотрел на строку поиска, не печатая:

он знал, что сейчас начнёт собирать версию, и потом будет трудно остановиться.

Но уже начал.

Он набрал:

Эмма Северова муж погиб

Enter.

Выдача появилась сразу, будто запрос давно лежал готовым. Первые ссылки — крупные издания и деловые порталы. Он открыл первую.

Константин Северов, известный банкир и инвестор, погиб в загородном доме. Следствие рассматривает версию несчастного случая.

Дальше — привычный безопасный язык:

— подробности не разглашаются;

— в интересах семьи;

— вдова отказалась от комментариев.

Вторая статья — то же. Третья. Четвёртая. Менялись перестановки слов, но каркас был одинаковый, будто редакции переписывали один и тот же пресс-релиз, стараясь выглядеть самостоятельными.

Это означало либо пустоту фактов.

Либо чужую волю.

Он прокрутил ниже: несколько материалов вышли в про-

межутке часа. Слишком ровно для «случайной новости».

Артемий сменил запрос:

Константин Северов погиб загородный дом

Появились фотографии, старые интервью, сухие заметки о рейтингах и фондах. Он открыл картинки и пролистал быстро — не кадры, а закономерности.

Северов выглядел человеком, которому не нужно поднимать голос, чтобы получать своё. Дорогая одежда без демонстрации, тяжёлая уверенность, лицо «закрытого формата».

На одном фото рядом стояла Эмма.

Артемий увеличил её лицо. Никакой эмоции, которую можно взять в руку. Только неподвижность — не нейтральная, а удержанная. Как броня, которую носят давно.

Они выглядели не парой.

Скорее — конструкцией.

Он вернулся к заметкам о смерти и начал искать не то, что написано, а то, чего нет: где именно, кто обнаружил, кто вызвал, что с телом, какая причина хотя бы общими словами.

Пусто.

Только «несчастный случай» и гладкие оговорки.

И в одной статье — фотография дома.

Чистая архитектура: стекло, камень, линия фасада. Сбоку — крытый бассейн.

Артемий задержал взгляд.

Вода на снимке была тёмной — не синей, не прозрачной, а почти чёрной, как зеркало без света.

Он вспомнил фразу Эммы — не как красивый образ, а как отчёт:

в ней кто-то тонет

руки уходят вниз

не зовут

Он откинулся на спинку кресла и заставил себя остаться в голове, а не в совпадениях. Дом с бассейном легко превращает воду в ассоциацию. Психика любит простые образы.

Но слишком многое совпадало не “темой”, а устройством: не просто «вода», а «тонет»; не просто «страшно», а «не зовут».

Он снова перечитал заметки и выцепил одну фразу:

В доме, кроме супругов, почти никого не было.

«Почти» в официальном языке — дырка. Лазейка. Возможность потом подставить фигуру или, наоборот, спрятать её. Артемий отметил это как маркер и сдвинулся дальше — не в слухи, а в проверяемое.

Потом всё равно сорвался на то, что всегда тянет сильнее: грязную выдачу.

Запрос про бассейн и «несчастный случай» потянул форумы, пересказы, уверенные «замяли» и «договорились». Он открыл пару вкладок и закрыл почти сразу. В таких местах легко утонуть, как в той же воде: много шума, мало опоры.

Он открыл заметки и сухо записал две строки — и тут же

ощутил к себе отвращение: снова превращает живых людей в пункты.

— Эмма Северова: повтор, зеркало, вода/дверь, запах сырости.

— Константин Северов: “несчастный случай”, дом, бассейн, “почти никого”.

Он закрыл файл, но мысль уже не закрывалась.

В боковой колонке одного из деловых сайтов мелькнула светская формулировка:

Северов славился любовью к особым частным форматам отдыха.

Ни одного проверяемого существительного. Только направление.

Артемий пролистал фото с мероприятий: одинаковые дорогие лица, одинаковые улыбки. И на нескольких кадрах — люди, которых в городе обычно не видят рядом. Не потому что они враги — потому что публично так не бывает.

Он не стал додумывать дальше. Пока.

Дальше внутри уже шло другое: организм снова узнал сырость раньше головы.

Запах — как от влажной ткани в закрытом помещении.

Пыль.

Холодный пол.

Он замер. Секунда — и тело уже было там, где нельзя двигаться лишний раз.

Коридор.

Свет из-под двери.

Не входить.

Он резко открыл глаза. Кабинет. Ноутбук. Экран. Всё на месте.

Это раздражало больше ужаса: память давала не сцену, а среду.

Он нашёл ещё одну короткую юридическую заметку: «нет явных признаков борьбы», «неоднозначная картина». Формулировки, которые одновременно успокаивают и оставляют следствию запасной выход.

Артемий остановился и впервые позволил себе мысль — не как вывод, а как предмет, который положили рядом с официальной версией:

Северов мог погибнуть не случайно.

Он не оформлял это в обвинение. Просто перестал принимать «несчастный случай» как фон.

Он закрыл ноутбук и вышел в пустой зал. Зеркальная стена в ночном полумраке делала дверь темнее, чем она была. Не вход — граница.

Артемий смотрел на отражение и думал не о Северове.

Об Эмме: о том, как спокойно она говорила о воде, и как

точно выбирала место. О том, что она пришла второй раз не ради кальяна.

Она пришла проверить, насколько он поддаётся.

И, возможно, насколько быстро его собственная память отзывается на правильные ключи.

Теперь он уже не мог делать вид, что эта история началась с её первого визита.

Она началась раньше.

Просто до этой ночи он ещё мог притворяться, что не обязан входить.

Теперь — нет.

Глава 5 Пустой кальян

В этот четверг Артемий решил убрать из вечера всё, что обычно помогает людям говорить красиво и ничего не сказать.

Решение пришло не рывком — как усталость. «Анамнез» был устроен так, чтобы человек мог спрятаться: мягкий свет, кресла, музыка, привычный ритм затяжек. Обычно это работало на Артемия — чем удобнее гостю, тем проще ему ошибиться. С Эммой было наоборот: она не ошибалась. Она дозировала.

Поэтому Артемий пришёл на два часа раньше. В пустом зале пахло деревом, стеклом и чистым углём — без духов, без табака, без чужих слов. Он прошёл между столами, сдвинул пару кресел, выровнял проходы. Подошёл к зеркальной стене и поправил свет — не ярче, а точнее: так, чтобы лицо читалось без усилий и без театра.

Семён появился, как всегда, раньше смены — с папкой и видом человека, который держит порядок руками.

— Рано вы, — сказал он.

— Да.

Семён посмотрел на свет, на стол у зеркала, на то, как Артемий стоит — слишком неподвижно.

— Она? — спросил он.

— Сегодня будет иначе.

— Это как?

— Без табака.

Семён моргнул, будто не сразу понял.

— Совсем?

— Совсем.

Он помолчал секунду.

— Людям не нравится, когда им ломают привычное.

— Вот и посмотрим.

Семён понизил голос:

— Это безопасно?

Вопрос был не про кальян. Артемий это услышал.

— Не знаю, — сказал он. — Но будет честнее.

Семён кивнул и ушёл, не споря.

Артемий выбрал колбу — не “красивую”, а тихую: плотное стекло, меньше звука. Налил воды ровно столько, чтобы бульканье было мягким. Собрал кальян полностью — и оставил чашу пустой. Со стороны всё выглядело правильно: жар, шланг, блюдце. Не хватало только одного — дыма.

К десяти зал заполнился как обычно. Ноябрь снаружи давил сыростью, внутри было тепло; люди стряхивали с пальто холод и садились ближе к светлым пятнам. Артемий несколько раз поймал себя на том, что прислушивается к двери — не к звуку, к моменту. Раздражало, что он вообще это замечает.

Эмма вошла ровно в десять.

Короткий взгляд — по залу, по зеркалу, по проходам. Тот же стол. Та же посадка — неглубоко, “на подъём”. Перчатки

рядом с клатчем.

Артемий подошёл сам, не давая ей времени сделать зал своим.

— Добрый вечер, — сказала Эмма.

— Добрый.

Она посмотрела на кальян — быстро. Потом на него.

— Что-то изменилось.

— Да. Сегодня без табака.

Пауза стала длиннее. Эмма не изменилась в лице, только взгляд коротко прошёл по чаше и шлангу — проверка на ошибку.

— Это новый вид гостеприимства? — спросила она.

— Проверка.

— Чего?

— Насколько человеку нужен ритуал, чтобы выдержать разговор.

Эмма взяла мундштук и сделала пробную затяжку — не “на авось”, а как подтверждают факт. Колба ответила сухим пустым звуком. Ни вкуса, ни дыма.

Она положила мундштук обратно.

— Интересно, — сказала Эмма.

— Разочаровывает?

— Нет.

Пауза — чуть длиннее светской.

— Убирает привычную ложь.

Артемий сел напротив.

— Какую?

— Что вкус важнее причины, по которой человек вообще пришёл.

В зале смеялись за дальним столом, кто-то просил поменять угли. Семён прошёл мимо, но не замедлился у их стола. Он уже понял: здесь сегодня другой режим.

Эмма провела пальцами по столешнице — не нервно, скорее проверяя поверхность, как будто ей нужно было за что-то зацепиться без дыма.

— Часто вы так делаете? — спросила она.

— Редко.

— Потому что люди начинают нервничать?

— Потому что начинают говорить точнее.

Эмма посмотрела прямо.

— Или опаснее.

— Иногда это одно и то же.

Она снова взяла мундштук — теперь просто подержала в руке, как предмет, который перестал выполнять свою роль.

— Вам нравится лишать человека опоры? — спросила Эмма.

— Мне нравится смотреть, что остаётся.

— И что остаётся?

Артемий не сразу ответил.

— Раздражение. Страх. Иногда — честность.

Эмма кивнула.

— А у тех, кто умеет ждать?

— Они неудобные.

Она не улыбнулась. Но согласие было видно по тому, как спокойно она приняла слово.

Ненадолго они замолчали. Артемий впервые заметил: сегодня Эмма почти не ищет вход в зеркале. Дым не закрывает обзор — и взгляд некуда “унести”. Это должно было сделать её уязвимее, но она держалась так, будто убрали не опору, а декорацию.

— Зачем вы открыли это место? — спросила она внезапно.

— Чтобы люди говорили.

— Это не ответ.

Артемий посмотрел на пустую чашу.

— Потому что в кабинетах слишком легко говорить правильно, — сказал он. — А здесь люди чаще ошибаются.

— Вы называете это правдой, — сказала Эмма.

— А вы?

— Я называю это властью.

Он не стал спорить.

— А вам самому легче без дыма? — спросила она.

Вопрос был точный. Артемий почувствовал привычное желание ответить “как надо”. Но сегодня “как надо” он сам убрал.

— Нет.

— Почему?

— Потому что дым даёт лишние секунды. Иногда они спа-

сают.

Эмма молчала дольше обычного. Потом сказала:

— Или дают время спрятаться.

Артемий смотрел на неё и понимал: разговор перестал быть про ритуал. Он стал про границы — где заканчивается слушатель и где начинается тот, кому что-то собираются передать.

— Люди часто вам доверяют? — спросила Эмма.

— Бывает.

— И вы не используете?

— Смотря что считать “использовать”.

— Повторять. Передавать. Делать из этого инструмент.

— Это зависит от обстоятельств.

Эмма чуть повернула голову — почти незаметно, но в жесте было: “удобно”.

Она перевела взгляд в зеркало — на своё отражение, не на дверь.

— Вы же врач, — сказала она. — Вы не имеете права никому сказать.

Это прозвучало не просьбой. Назначением.

Артемий не ответил сразу.

— Вы проверяете меня? — спросил он.

— Нет, — сказала Эмма. — Я проверяю, как устроен мир.

— И как?

— Иногда работает.

— А иногда?

— Иногда находится человек, который выбирает между порядком и правдой.

Артемий выдержал паузу.

— А вы что выбираете?

Эмма пожала плечом — спокойно, без игры.

— Я давно не верю в стороны.

Это было сказано слишком просто. И оттого слишком холодно.

Эмма подняла мундштук, поднесла к губам — и остановилась. Опустила руку. Мелочь. Но Артемий увидел: раздражение. Маленькое, живое. Ей не нравилось отсутствие “сценического” дыхания, которое даёт дым.

Пустой кальян работал.

— Вам не нравится? — спросил он.

— Нравится, — ответила она. — Просто без вкуса труднее притворяться, что разговор ничего не значит.

— А вы притворяетесь?

— Все.

— И всё же вы пришли.

— Да.

— Зачем?

На этот раз молчание было не выверенным. Настоящим. Она смотрела на него, не в зеркало, не в чашу — и будто считала последствия.

— Посмотреть, умеете ли вы молчать так же хорошо, как слушаете, — сказала Эмма.

Вот он, центр вечера. Не исповедь. Проверка.

Артемий поднялся.

— На сегодня достаточно.

Слова вышли жёстче, чем он хотел — ему нужно было поставить границу раньше, чем она сделает это за него.

Эмма тоже встала — без сопротивления, как будто согласие было готово заранее.

— Согласна.

Она надела перчатки, взяла клатч и задержалась на секунду у стола.

— Знаете, что люди путают чаще всего? — спросила она.

Артемий ждал.

— Они думают, что молчание — это отсутствие действия.

Пауза.

— Хотя чаще всего это просто отложенная форма.

Она пошла к выходу. У двери остановилась и сказала, не оборачиваясь:

— Иногда молчание — не выбор. Это цена.

Дверь закрылась. Зал сразу вернул обычные звуки — смех, шаги, звон стекла. Будто комнату включили обратно.

Артемий посмотрел на пустой кальян между креслами. В обычный вечер он создавал “атмосферу”. Сегодня выглядел как улика — предмет, из которого вынули смысл и оставили форму.

И впервые за долгое время Артемий почувствовал не интерес.

Угрозу.

Глава 6 Запах сырой ткани

После ухода Эммы зал долго не возвращался в привычный вечер.

Люди продолжали сидеть, курить, смеяться — всё было на месте: музыка, официанты, тёплые пятна света. Семён менял угли так же ровно, как всегда. Но Артемий больше не попадал в общий ритм. Он всё время видел пустой кальян у зеркальной стены — правильную оболочку без содержимого. Ответ без содержания.

Он открыл кассу, проверил последние оплаты, закрыл ящик. Руки делали своё, голова — другое. Обычно этого хватало, чтобы вернуться в настоящее. Сегодня — нет.

Семён подошёл с папкой, словно считал, что вечер можно собрать обратно документами.

— Уголь на следующую неделю... — начал он и осёкся.
— Вы меня вообще слышите?

— Слышу.

— Вы это уже третий раз сказали, — сухо заметил Семён.
Артемий поднял глаза.

— Значит, тебе пора перестать проверять.

Семён не обиделся. Только кивнул и ушёл к дальнему столу — так, как он умел: рядом, но без давления.

Артемий заставил себя смотреть на гостей. Кто слишком часто меняет позу. Кто держит стакан двумя руками, будто

он горячий. Кто тянет мелко, чтобы не говорить. Кто, наоборот, говорит слишком много. Но взгляд всё равно возвращался к зеркальной стене.

Пустой стол был как провал. Не предмет — отметка: разговор ушёл, а ощущение осталось. И оно было неприятно конкретным.

Ему хотелось придумать объяснение попроще — «она просто осторожная», «пережила смерть мужа», «такой тип». Любое из этих слов звучало безопаснее, чем то, что он чувствовал: рядом с Эммой у него внутри сдвигается что-то старое.

К часу ночи зал почти опустел. Артемий подошёл к её столу как к месту, которое нужно проверить, — и понял, насколько эта мысль ему не нравится.

Чаша стояла чуть сдвинутая к краю, будто вечер закончился раньше, чем должен был. На мундштуке остался слабый след пальцев. Он снял чашу, взял колбу и понёс к мойке.

Вода внутри ещё была тёплой — странно тёплой для пустой чаши. Тепло держалось от углей, от воздуха, от их рук — как будто предмет действительно «участвовал» и теперь сохраняет остаток присутствия.

Он вылил воду.

Запах поднялся сразу: стекло, металл — и что-то мягкое, тканевое.

И тело отреагировало быстрее головы.

Сырая ткань.

Настолько отчётливо, что «Анамнез» на секунду исчез.
Узкий коридор.

Темнота гуще ночной.

Что-то на полу.

Не шевелиться.

Артемий резко поставил колбу в раковину. Стекло удари-
лось о металл громче, чем нужно.

— Осторожнее, — бросил Семён из зала, не оборачиваясь
полностью.

Артемий не ответил. В висках уже появлялась та знакомая
пустота — не боль, не головокружение, а предупреждение:
память рядом.

Он вытер руки полотенцем. Полотенце было сухое, но
пальцы помнили влажность.

Именно это всегда бесило больше всего: тело не спраши-
вает, хочет ли он помнить.

Артемий ушёл в кабинет, закрыл дверь и включил на-
стоящую лампу. Узкий прямоугольник света отделил его от
зала. Он сел и просто подождал, как ждут, когда спадёт вол-
на.

Обычно такие вспышки отступали, если не трогать. Если
не гнаться.

Сегодня запах не уходил. Не в воздухе — в горле. Как буд-

то память решила не ограничиться ударом и остаться рядом.

И здесь Артемий впервые признал то, от чего всё время отворачивался: это не хаотические триггеры. Это последовательность.

Сначала — вода в словах Эммы.

Потом — закрытая дверь.

Теперь — сырость, ткань.

Не сюжет. Среда.

Он закрыл глаза — не чтобы «вспомнить», а чтобы проверить, что уже поднялось.

Скол на дверном косяке.

Сбитая краска на углу.

Чужая тяжесть в соседней комнате — не шаги, масса.

И сразу — провал. Как будто память показывает подходы, но не впускает внутрь.

Он открыл глаза и посмотрел на стол. Там лежал блокнот — рабочий, чёрный. Артемий почти никогда не записывал туда о себе. Негласное правило: не оставлять следов.

Сегодня след уже был — хотя бы внутри.

Он взял ручку и написал:

Сырая ткань. Коридор. Темнота.

Задержался. Добавил ещё две слова, которые были хуже

всего:

После Эммы.

Он посмотрел на строчку и почувствовал раздражение — не на неё, на связь. Формулировка уже звучала не как «мне показалось», а как причина. Как будто её присутствие включило что-то, что годами держалось запертым.

Он отложил ручку и услышал, как в зале звякнула посуда. Реальность продолжала двигаться, не зная, что внутри него только что сдвинулось что-то тяжёлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.